

Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук

*Дмитрий Замятин**

Аннотация. В статье проведено исследование предмета и методологических основ гуманитарной географии. Выявлены базовые направления развития гуманитарной географии. Проанализированы понятия географического образа, локального мифа. Построена модель пространственных представлений в гуманитарной географии. Изучены перспективы взаимодействия гуманитарной географии с гуманитарными науками.

Ключевые слова. Пространство, гуманитарная география, воображение, географический образ, локальный миф, имагинальная география, культурный ландшафт, гуманитарные науки.

Гуманитарная география: формирование предмета и метода

Гуманитарная география — междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность¹. Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география, — это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие «гуманитарная география» тесно связано и пересекается с понятиями «культурная география», «география человека», «социокультурная (социальная) география», «общественная география», «гуманистическая география» [120; 128; 130; 116; 118; 117; 125; 115; 127].

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее — в рамках экономической и социально-экономической географии (с 20-х гг. XX в.). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (перцепционной) географии, географии искусства².

* **Замятин Дмитрий Николаевич** — доктор культурологии, заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Email: metageogr@mail.ru

© Замятин Д., 2010

© Центр фундаментальной социологии, 2010

¹ Подробнее см.: [44; 40; 43; 36; 39; 42; 47; 26].

² См. подробнее: [25; 15; 87; 55; 79].

В начале XXI в. понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». В отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию [46], мифогеографию [62], сакральную географию. Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Имагинальная география как когнитивное ядро гуманитарной географии

Имагинальная, или образная география — междисциплинарное научное направление в рамках *гуманитарной географии* [41]. Имагинальная география изучает особенности и закономерности формирования *географических образов*, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации. Имагинальная география развивается на стыке культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, *когнитивной географии*, *мифогеографии*, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии. Синонимы названия «имагинальная география» — образная география, география воображения, имагинативная география, имагинальная спациология, философическая география. В семантическом отношении наиболее широким термином является термин «образная география», наиболее узким — термин «география воображения» (этим термином могут обозначаться различные дисциплинарные — филологические, психологические, политологические и т. д. — case-study в рамках общей тематики имагинальной географии)³.

Центральное понятие имагинальной географии — *географический образ*. В качестве содержательной основы имагинальной географии рассматривается моделирование географических образов. Один из базовых методов имагинальной географии — *образно-географическое картографирование*. В концептуальное поле имагинальной географии входят такие хорошо известные и разработанные понятия гуманитарных наук, как «гений места», «поэтика пространства», «гетеротопия»; а также основные понятия гуманитарной географии — «локальный миф» («простран-

³ См. основную литературу по теме: [3; 5; 9; 19; 7; 10; 12; 16; 20; 22; 25; 30; 73; 77; 97; 103; 104; 109; 110; 111; 112].

ственный миф»), «региональная идентичность» («региональное самосознание»), «культурный ландшафт» («ландшафт», «этнокультурный ландшафт»). В понятийный аппарат имагинальной географии включены понятия образно-географической системы, образного пространства (образно-географического пространства), ментально-географического пространства, метапространства.

Латентный период становления имагинальной географии относится ко второй половине XIX — началу XX века, когда развитие хронологической концепции в географии, широкое использование понятия ландшафта, появление французской школы географии человека и антропогеографии, феноменологии, зарождение неклассических научных методов исследования привлекло внимание научных сообществ к проблематике образных репрезентаций земного пространства. Паралатентный, или полускрытый период становления имагинальной географии — 1920–1940-е гг., когда развитие культурного ландшафтоведения, культурной географии, сакральной географии, геоистории (французская школа Анналов), регионалистики и краеведения, гештальт-психологии и бихевиоризма, экзистенциальной философии (Германия, Франция, СССР — только в 1920-х гг., Великобритания, США) позволило научно сформулировать проблему исследования образов пространства. Базовый период становления имагинальной географии относится к 1950–1980-м гг.: в это время происходит быстрое развитие культурной географии, гуманистической географии и их выдвижение на первые роли в рамках западной географии в целом; возникает понятие постмодерна, позволяющее широко разрабатывать проблематику имагинальных теорий и практик; появляются целевые научные исследования образов мест, территорий и пространств в культурной и гуманистической географии, географии искусства и эстетической географии, социологии, психологии, культурной антропологии, истории, литературоведении; резко актуализируются понятия региональной идентичности и региональной (пространственной) мифологии; начинают доминировать знаково-символические интерпретации культурных ландшафтов; формируется комплекс когнитивных наук, в рамках которого возможны более эффективные методы имагинальных исследований. Когнитивно-институциональный период становления имагинальной географии — 1990–2000-е гг., когда появляются монографии по имагинальной географии, начинают формироваться смежные научные направления (когнитивная география, мифогеография); возникает общее гуманитарно-географическое концептуальное (исследовательское) поле, позволяющее четко идентифицировать и разместить имагинально-географическую проблематику; разрабатываются основы моделирования географических образов.

В начале XXI века имагинальная география оказывала концептуальное влияние на развитие культурной антропологии, культурологии, политологии, истории (особенно региональной и локальной истории), литературоведения, комплексного градоведения и регионоведения. Прикладные проекты в сфере имагинальной географии связаны с маркетингом территорий, стран, регионов и мест, разработкой имиджей территорий в рекламе, PR, туристическом бизнесе, инвестиционной деятельности. Концептуальное развитие имагинальной географии связано с художественными практиками и проектами в сфере литературы, визуальных искусств (кино, видео, живописи и графики), архитектуры. В переходной ментальной зоне, на границе между

имагинальной географией и художественными практиками формируются гибридные художественно-исследовательские направления — метагеография и метакраеведение.

Географический образ — центральное понятие имагинальной географии

Географический образ — система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ — центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы). Один из методов изучения географических образов — построение *образно-географических карт*.

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа — образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен служит важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов являются существенными для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

В методологическом плане формирование и развитие систем географических образов определяется развитием культуры (культур). В процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы) образов. Первоначально, как правило, формируются простые, примитивные географические образы, «привязанные» к прикладным аспектам деятельности человека, к наиболее насущным потребностям общества. В дальнейшем, по мере возникновения и развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются географические образы, в значительной степени дистанцированные по отношению к непосредственным, явно видимым нуждам общества. Наряду с этим ранее возникшие виды и типы человеческой деятельности, усложняясь, способствуют зарождению и развитию более сложных и более автономных географических образов — например, образы стран и регионов в культурной, политической и экономической деятельности.

Целенаправленная человеческая деятельность включает в себя элементы сознательного создания и развития конкретных географических образов. При этом формирующиеся в стратегическом плане образные системы можно назвать субъект-

объектными, так как субъект (создатель, творец, разработчик) этих образов находится как бы внутри своего объекта — определенной территории (пространства). Роль и значение подобных стратегий состоит в выборе и известном культивировании наиболее «выигрышных» в контексте сферы деятельности элементов географического пространства, которые замещаются сериями усиливающих друг друга, взаимодействующих географических образов. В рамках определенных стратегий создания и развития географических образов в различных сферах человеческой деятельности формируется, как правило, несколько доминирующих форм репрезентации и интерпретации соответствующих географических образов.

Образно-географическая карта как метод исследования в имагинальной и гуманитарной географии

Образно-географическая карта (или карта географических образов) — графическая модель *географических образов* какой-либо территории или акватории (места, ландшафта, местности, реки, населенного пункта, города, региона, страны, континента и т.д.). Она может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например, художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение в виде системы взаимосвязанных элементов содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов [32].

Образно-географическая карта является автономной частью процесса моделирования географических образов, также — графическим инвариантом словесной (устной или письменной) модели географического образа, одним из инструментов изучения имиджевых ресурсов территории. Процедуры разработки и построения образно-географических карт относятся к методике *имагинальной (образной) географии*. В когнитивном отношении образно-географическая карта — результат концентрации знаний об определенном географическом пространстве в специфической знаково-символической форме. Создание конкретной образно-географической карты можно рассматривать как процесс интерпретации изучаемых географических образов.

Направленность на содержательные знаково-символические репрезентации географического пространства определяет дискретность картографического поля образно-географической карты и частичное и необязательное соблюдение традиционной для европейской картографии Нового времени ориентации по сторонам света (см. таблицу). По таким параметрам, как отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям и дистанция между картографируемым объектом и его изображением, образно-географические карты близки к ментальным (когнитивным) картам и *картоидам*.

Таблица. Сравнительные характеристики различных видов картографирования

Виды картографирования	Ориентация карты	Отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям	Континуальность, или дискретность картографического поля	Дистанция между картографируемым объектом и его изображением
<i>Традиционное</i>	Традиционная (север — вверх)	Соблюдение традиционных правил и проекций	Континуальность	Минимальная
<i>Ментальное (когнитивное)</i>	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
<i>Картоиды</i>	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
<i>Образно-географическое</i>	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Дискретность	Максимальная

Формально образно-географические карты представляют собой математические графы или диаграммы Венна. Эти способы графического изображения позволяют показать пересечения и вхождения географических образов друг в друга, их взаимную ориентацию и взаимодействие. Как и любая географическая карта, образно-географическая карта может иметь соответствующую легенду, включающую типологию или классификацию изображенных знаков и символов, а также типологию или классификацию знаково-символических связей.

Рис. 1. Образно-географическая карта обсуждения границ Германии на переговорах Черчилля, Сталина и Трумэна во время Потсдамской мирной конференции 1945 г. (Замятин, 1998)

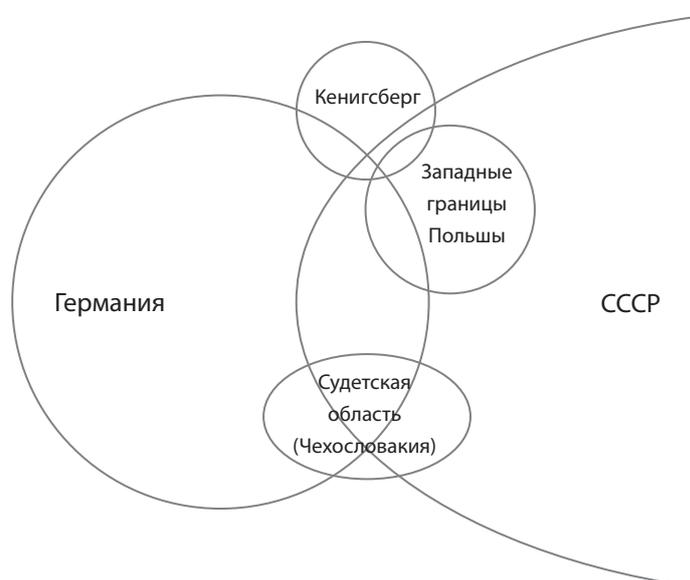
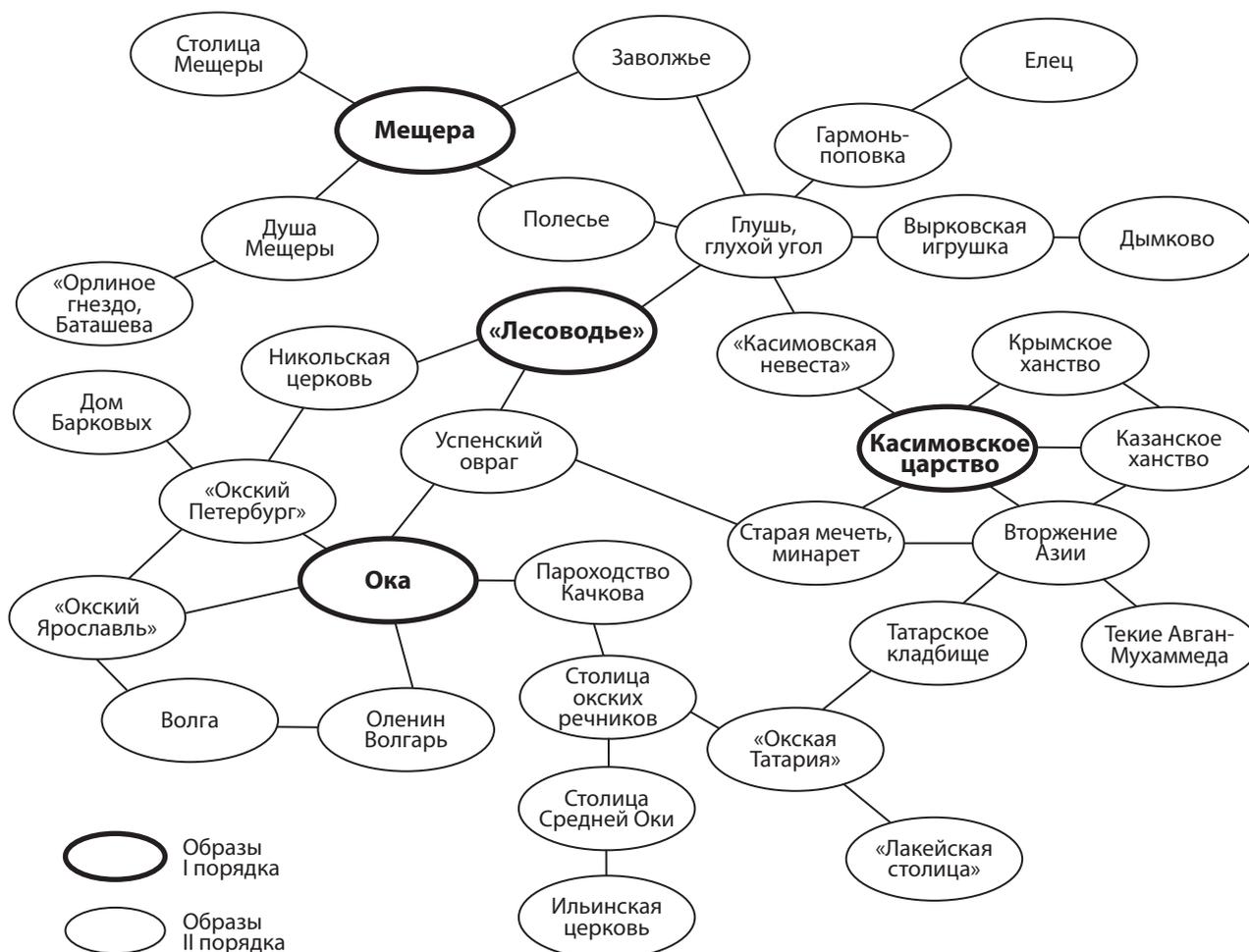

Рис. 2. Образно-географическая карта г. Касимов (Рязанская обл.)

Для изучения динамики конкретных географических образов создаются серии последовательных образно-географических карт. Одно и то же географическое или образно-географическое пространство может репрезентироваться или интерпретироваться потенциально бесконечным множеством образно-географических карт — в зависимости от целей и задач образно-географического картографирования, а также специфики воображения конкретного создателя карты. Выявление содержательных взаимосвязей между различными образно-географическими картами, относящимися к одному и тому же географическому/образно-географическому пространству, а также процедуры их согласования в прикладных целях предполагают построение графических моделей метагеографических пространств.

Моделирование географических образов

Моделирование географических образов (МГО) — область *имагинальной (образной) географии*, занимающаяся изучением процессов формирования, развития и структурирования *географических образов*. Моделирование географических образов включает в себя две основные части: 1) теорию моделирования географических образов и 2) методику и прикладные аспекты моделирования географических образов. В качестве материала для изучения в моделировании географических образов исполь-

зуются тексты различного типа (как вербальные, так и невербальные), а также визуальное искусство, кино, фотография, музыка, архитектура. Объектом исследования в МГО может выступать как конкретная географическая территория (*ландшафт, культурный ландшафт*, населенный пункт, город, район, страна), так и определенное художественное произведение или определенный текст (письменный, визуальный и т. д.). Промежуточным (переходным) объектом исследования могут быть человеческие сообщества различного ранга и размерности (этническая, культурная или социальная группа, территориальное сообщество, население города, профессиональное сообщество, виртуальное сообщество, нация и т. п.).

Теория моделирования географических образов является частью более общей теории имагинальной (образной) географии. В то же время эта теория может частично выходить за ее концептуальные рамки; в этом случае ее можно рассматривать и как часть более общей теории моделирования общественных (социокультурных, политических, экономических) процессов. Основные проблемы теории моделирования географических образов — выявление базовых, наиболее распространенных и устойчивых моделей географических образов; формулирование закономерностей ее формирования и развития; первичные алгоритмы структурирования моделей географических образов; выявление и описание ключевых контекстов функционирования и развития этих моделей в рамках более общих моделей общественного развития.

Методика и прикладные аспекты моделирования географических образов входят в общую методику имагинальной (образной) географии. Наряду с этим они могут использоваться в *когнитивной географии, мифогеографии* в рамках прикладной гуманитарной географии. Основные методические и прикладные задачи моделирования географических образов — разработка типовых алгоритмов создания моделей географических образов в конкретных научных и прикладных областях (например, в художественных текстах или в сфере маркетинга территорий); построение системы мониторинговых образно-географических исследований в целях первичного обнаружения и описания вновь возникающих уникальных и типовых географических образов в различных сферах общественного развития.

В данной научной области используются разнообразные средства изучения: текстовые описания (как научные, так и художественные), фото- и видеосъемка, *образно-географическое картографирование*, компьютерные модели, социологические опросы и глубинные интервью, контент-анализ, построение *географических картоидов*, живопись и графика, музыкальные произведения. Теория моделирования географических образов предполагает совмещение и/или сосуществование двух разных методологических подходов: 1) реконструирование, выявление модели географического образа (предполагается, что исследователь относится к модели как к уже существующей независимо от него — условный «объективистский» подход) и 2) конструирование модели географического образа, которое может сопровождаться его деконструкцией (конструктивистский подход, дополняемый постструктуралистскими и постмодернистскими подходами — в целом можно назвать «субъективистским» подходом). Методика и прикладные аспекты моделирования географических образов предполагают как создание оригинальных, новых произведений (текстовых, визуальных, картографических и т. д.) в качестве отдельных элементов модели геогра-

фического образа, так и использование в данном процессе ранее созданных произведений или их фрагментов, не принадлежащих исследователю как автору. Основное методологическое допущение при этом — признание потенциальной множественности/бесконечности моделей одного и того же объекта исследования в зависимости от целей и задач исследователя, методологически связанное с пониманием самого географического образа как бесконечного пространственного разнообразия, фиксируемого каждый раз в конкретный момент времени (понимаемого, в свою очередь, как пространство событий).

В рамках гуманитарной географии описываемая научная область интенсивно взаимодействует с когнитивной географией и мифогеографией. В теории и практике моделирования географических образов наряду с понятием географического образа активно используются понятия *когнитивно-географического контекста*, *локального (пространственного, регионального) мифа*, *гения места*, *знакового места*. Моделирование географических образов в той или иной степени применяется в современных геополитических исследованиях, международных исследованиях, социологии, культурологии, психологии, филологии. Наиболее важные научные теоретические и прикладные области, в которых оно может выступать как один из ключевых подходов, — география искусства и литературы, градостроительство, география городов, районная планировка и архитектура, маркетинг и брендинг территорий, музейное проектирование.

Понятие знакового места: прикладная символика географического воображения

Знаковое место — пространство (территория, акватория, ландшафт, урочище), имеющее определенные семиотические характеристики в рамках конкретного метапространства (пространства, обладающего по отношению к знаковому месту большей семиотической размерностью) [33; 35; 45]. В геометрическом плане знаковое место может представлять собой точку, линию и/или определенную площадь. Знаковым местом могут быть здание (светское здание, религиозное здание — церковь, храм, колокольня; просто здание — визуальная доминанта ландшафта), площадка перед зданием, комплекс зданий (замок, центр средневекового города, монастырь и т. д.), искусственное сооружение (насыпной курган или пирамида из камней, поминальный крест и т. д.), вершина горы, холма или сам холм, болото, водный источник (ключ), река, озеро или их береговая линия, какой-либо памятник или территория рядом с ним или вокруг него, разграничительная линия искусственного происхождения (например, Берлинская стена), населенный пункт, природное урочище (поле, поляна, луг, лесная опушка, балка, овраг и т. д.) — в целом любое географическое пространство, осмысляемое (наполняемое экзистенциальными смыслами) с помощью историко-культурного, социального, политического, географического воображения на основе реальных или вымышленных событий (например, место битвы, место политического решения, место рождения или кончины конкретного человека, место, связанное с экзистенциальным жизненным поворотом, место вознесения святого на небо и т. д.).

Знаковые места являются неотъемлемыми элементами *культурных ландшафтов* [112; 127; 48]; благодаря знаковым местам культурные ландшафты обладают базовыми семиотическими уровнями, на основе которых возможны дальнейшие геосемиотические, мифогеографические и образно-географические интерпретации. К знаковым местам можно в широком смысле отнести *культовые и сакральные места*; знаковость культовых мест, как правило, довольно насыщена, однако ограничена в силу естественной ограниченности самих религиозных сообществ. Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические/смысловые коннотации, задаваемые данным местом (в том числе и в рамках культурного туризма, с помощью экскурсовода или без него), либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной *территориальной (региональной) идентичности*, либо автономно создавать и разрабатывать семиотические коннотации данного места (исходя из конкретных знаний о месте, образе/*географическом образе* места) в каких-либо профессиональных, социокультурных, политических и экономических целях, либо конструировать непосредственные экзистенциальные стратегии, опирающиеся на образ данного места (в таком случае место становится тотально, абсолютно знаковым, как бы диктуя свою собственную, в онтологической перспективе, событийность) [129]. Знаковые места являются также культурно-ландшафтными репрезентациями локальных (пространственных, региональных) мифов [71; 72; 61; 63], функционирование и воспроизводство которых как устойчивых нарративов невозможно без конкретных, достаточно регулярных и семиотически насыщенных топографических событий и манифестаций (в том числе религиозных и светских праздников, гуляний, крестных ходов, торжественных молебнов, различных местных конкурсов, связанных с известным знаковым/мифологическим событием, установок памятников или памятных знаков, научных/краеведческих конференций и т. д.). Смысловыми коррелятами понятия знакового места можно рассматривать понятия *места памяти* и *символической топографии*, поскольку семиотические и другие интерпретации знаковости определенного места связаны, как правило, с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся, таким образом, актуально, или хотя бы потенциально, значимыми в настоящем [92].

Понятие знакового места используется в *культурной географии* и *культурном ландшафтоведении*, географии туризма, *гуманитарной географии*, в том числе в *мифогеографии*, *когнитивной географии* и *имагинальной (образной) географии*, в архитектуре и районной планировке, маркетинге территорий [52], когнитивной психологии, локальной истории и микроистории. Проблематика знаковых мест оказывается ключевой при анализе столь важного для современных гуманитарных наук понятия, как «гетеротопия».

На стыке гуманитарных наук: к пониманию гетеротопии

Гетеротопия — пространство, репрезентируемое различными образами мест, причем эти образы мест могут быть несовместимыми или слабо совместимыми друг

с другом. Первоначально понятие гетеротопии развивалось в рамках биологии и медицины, где под ней подразумевается изменение места закладки и развития органа у животных в процессе онтогенеза. Сам термин введен немецким естествоиспытателем Э. Геккелем в 1874 году. Впервые понятие гетеротопии переосмыслено в рамках гуманитарных наук французским философом и историком Мишелем Фуко в работе «Другие пространства» (написана в 1967, впервые опубликована в 1984 г.) [94]. Описание гетеротопии, по Фуко, называется *гетеротопологией*. Возможность появления гетеротопии связана с тем, что одно и то же пространство (территория, акватория, ландшафт) может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т. д.) [21]. Как правило, развитию гетеротопии могут способствовать разные, часто не совпадающие или лишь частично пересекающиеся временные ритмы деятельности сообществ, групп или отдельных людей, связанной с данным пространством (утро — вечер, день — ночь). Кроме того, смена исторических эпох часто ведет к трансформациям, искажениям, забвениям старых смыслов и образов; возникновению новых смыслов и образов, связанных с определенным пространством (например, кладбище, лепрозорий, место инициации, центральная площадь, фонтан, пивной павильон, кафе, улица, место около памятника выдающемуся человеку), деритуализациям старых пространств и ритуализациям новых пространств, и в итоге к формированию сложного конгломерата образно-смысловых конструкций и напластований (отдельные образные «слои» или «пласты» могут соприкасаться лишь хронологически и топографически, никак не сообщаясь в содержательном плане).

В историко-культурном контексте осмысление понятия гетеротопии стало возможным в эпоху модерна, когда вновь реконструируемые, воспроизводимые, воображаемые пространства стали рассматриваться как достаточно автономные — вне жестких профессиональных, бытовых и социокультурных норм и установлений, определявших в том числе и жесткую дифференциацию географического пространства, включая его строгую общественную и сакральную иерархизацию [70]. Быстрая трансформация понятия гетеротопии связана уже с эпохами первичной и вторичной глобализаций конца XIX — начала XXI века, когда резкое, взрывное увеличение социальной, профессиональной и географической мобильности, а также интенсивные межкультурные и межцивилизационные контакты создали расширенные урбанистические и субурбанистические пространства, в которых акты индивидуальной и групповой коммуникации воспринимались и воображались уже вне какой-либо общей жесткой системы общественных норм, ритуалов и правил, регулирующей (хотя бы в идеале) все коммуникативные акты без исключения [105; 106; 108; 124; 57]. В известном смысле гетеротопия может рассматриваться как своего рода «шизофрения» геокультурного и геосоциального пространства, как бы продуцирующего «поток» автономных актов сознания, постоянно расщепляющий образ первоначального «материнского» пространства (будь то город в целом, какая-либо его часть или же загородное пространство) [119; 89; 90; 27].

В плане воображения гетеротопия способствует формированию различных метафизик, связанных с конкретным типом пространства или территории вообще, — ме-

тафизики города, района, региона, территории, ландшафта [60; 68]. В плане изучения современных социокультурных практик понятие гетеротопии может использоваться при описаниях и характеристиках различных субкультур, тяготеющих к урбанистическим ареалам и зонам, пространствам крупных городских агломераций и мегалополисов (подростковые и молодежные субкультуры, этнические диаспоры, сообщества спортивных, особенно футбольных, болельщиков, иногда религиозные и парарелигиозные секты) [13; 14; 74; 131]. В качестве прообраза современных гетеротопий можно рассматривать различные варианты развития культа *гения места*, а также формирование культурных гнезд и очагов в провинции [99]. Понятие и образ гетеротопии является одной из скрытых (латентных) концептуальных основ современной массовой культуры — прежде всего в рамках жанров фэнтези, триллера, хоррора (литература, кино, анимация, комиксы, живопись, визуальные искусства, цифровая фотография, видеоарт и т. д.) [82].

Понятие гетеротопии применяется в теоретической и прикладной социологии, культурологии, *гуманитарной и имажинальной (образной) географии*, социальной географии [18; 126], теории коммуникации, искусствознании, политологии, философии. Гетеротопии различного социокультурного происхождения в процессе своего развития способствуют формированию устойчивых локальных мифологий, совмещающихся, взаимодействующих и порой конфликтующих на одних и тех же территориях.

Локальные мифы в эпоху модерна: к рождению онтологии метагеографических пространств

Эпоха модерна — время радикального слома, решающих трансформаций представлений о земном пространстве. Не вдаваясь в подробную характеристику самого модерна [49; 95], следует в первую очередь отметить, что беспрецедентные для любых человеческих историй географические открытия XV–XX вв. стали не просто уничтожением, «закрытием» практически всех *terra incognita*, но и предпосылкой для мультиплицированного развития ранее невозможных или же слабо представимых образов пространства [98; 78]. Эта уникальная когнитивная ситуация с феноменологической точки зрения являлась, а до некоторой степени является и до сих пор, «источником» и в то же время условием порождения все новых и новых способов представления, репрезентаций земного пространства, которые сами по себе также становятся все более и более пространственными, образно-географическими [42].

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй⁴, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определенные места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего — будущее начинает как бы закрепляться, «фиксироваться» соответствующими легендарными событиями и историями, уве-

⁴ См., например: [93; 100; 101; 102; 56; 54; 96; 8; 59; 17; 67; 4; 86; 80; 81; 88; 1], также: [62].

ренно проецируемыми в пространство еще не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований [122; 114; 34]. Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться невозможными ранее темпами — не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удаленных друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах⁵, а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее недостижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, т. е. к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, «фиксируемого» не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения выхода в пространства смежные, пограничные, или метагеографические [43]⁶. Этот переход растягивается, по-видимому, на весь приблизительно выделяемый период модерна, однако только в XIX веке, по мере быстрого расширения колониальных европейских империй, начинается и географическая экспансия подобных локально-мифологических трансформаций, ведущая к появлению очень интересных гибридных, «креолизированных» ментальных образований. Другими словами, начинает работать принципиально иное, чем до сих пор, географическое воображение, основанное, с одной стороны, на включении, переработке, усвоении, преобразовании туземных, аборигенных мифов в рамках картины мира условного европейского сознания⁷, а с другой стороны, ориентированное на производство, сотворение, очевидно, новых локальных мифов, призванных как-то объяснить, рассказать, описать известный культурный и цивилизационный шок европейского колонизатора, культуртрегера, исследователя, ху-

⁵ См., например: [56; 54].

⁶ Ср.: [121].

⁷ Косвенными признаками такой социокультурной ситуации можно считать увлечение ряда значительных европейских художников искусством Востока, Африки, Дальнего Востока (Китая, Японии), островов Тихого океана, начиная примерно с середины XIX века. Характерные примеры: стиль «шинуазри» во французском искусстве; творчество Поля Гогена. См. также: [91].

дожника, писателя перед совершенно иными когнитивными и онтологическими установками наблюдаемых и разрушаемых ими автохтонных сообществ⁸.

Цивилизации модерна и локальные мифологии: проблема цивилизационной аутентичности

Ранний и развитой модерн, несомненно, способствовал формированию и оформлению (в рамках «высокой культуры») локальных мифов. Сначала чаще всего в романтических обработках народного фольклора (это характерно для европейского модерна уже в конце XVIII — начале XIX века)⁹, однако в эпоху позднего модерна функциональная роль географических/локальных мифов изменяется: они призваны теперь не только способствовать развитию национального воображения и национальной идентичности, но и как бы поддерживать весь комплекс цивилизационных «установок» и практик, воспроизводимых всеми возможными для индустриальной эпохи средствами¹⁰. Нетрудно показать, что, как и географические образы, локальные мифы в период цивилизационных напряжений и «надломов» становятся амбивалентными, неоднозначными, как бы чересчур содержательно мощными и в то же время не совсем понятными — указывая в ментальном плане на определенные цивилизационные «прорехи» и «лакуны». Было бы тем не менее слишком просто сводить функциональную роль локальных мифов к некоей цивилизационной «лакмусовой бумажке», частному цивилизационному индикатору. На наш взгляд, любая достаточно хорошо репрезентирующая себя цивилизация — по крайней мере, в рамках модерна и постмодерна — мыслит себя в известной степени самодовлеющим мифом, чье реальное («физико-географическое») пространство трансформируется в сложный образно-географический комплекс, иррадирующий, излучающий вовне, в свою очередь, пучок локальных мифов, становящихся транслокальными, или панлокальными¹¹. Это не значит, конечно, что при целенаправленном или интуитивном, неосознанном культивировании локальных мифов не используются общеизвестные еще в эпоху древних цивилизаций мифологические сюжеты-архетипы (мифы о спасении, мифы основания, мифы о вечном возвращении и т. д.) [31]. Содержательная суть геомифологических процессов позднего модерна, а затем в некоторой степени и постмодерна заключается во «вставлении», размещении в некие, уже как бы заранее данные цивилизационные контексты определенных локальных мифов, играющих затем ключевые роли

⁸ Классический пример — творчество английского писателя Джозефа Конрада (особенно — повесть «Сердце тьмы» и роман «Лорд Джим»). Параллельная «жесткая» сциентистская версия подобного мифотворчества на границе эпох модерна и постмодерна принадлежит Э. Саиду, чьи работы стали концептуальным основанием для развития целой школы постколониалистских исследований; см.: [77]. Более приемлемая, «мягкая» сциентистская версия для разработки соответствующих локально-мифологических концепций создана Б. Андерсоном, см.: [3].

⁹ См.: [75; 6].

¹⁰ См., например, о роли локального политического мифа луга Рютли в становлении национального самосознания швейцарцев: [69]. Ср.: [123; 107].

¹¹ См., например: [64]; также: блестящий и одновременно довольно «жесткий» в когнитивном отношении анализ цивилизационного мифа российских пространств: [66] (ранняя версия этого же мифа: [65]).

как признаки и неотъемлемые атрибуты цивилизации-как-уникальности в историческом времени и географическом пространстве. Иначе говоря, цивилизации-образы модерна и постмодерна немислимы без локально-мифологического компонента, обеспечивающего в феноменологическом и нарративном аспектах воспроизводство и постоянное расширение ментальных ареалов цивилизационной аутентичности.

Когнитивная модель пространственных представлений в локально-мифологическом контексте

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (внизу — бессознательное, вверху — сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы утопающая в бессознательном, — это географические образы; на ней, немного выше, располагается «локально-мифологическая» страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания — страта региональной идентичности; наконец, на самом верху, «колпачок» этого треугольника образов пространства — культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей¹². Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении, причем процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определенных географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов — если пытаться интерпретировать описанную выше схему — состоит в том, как из условного образно-географического «месива», не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические «цепочки» в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, чье содержание может быть мифологичным. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение — всякий локальный миф создается как разрыв

¹² Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: [84; 76; 53; 158; 24] и др.

между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в ее рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих региональных идентичностей. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более «репрезентативных» образов пространства, должен происходить определенный ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в «неожиданных» — исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов — образно-логических и часто весьма упрощенных трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, региональные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионально-политического или культурного деятеля в местной прессе и т. д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам, а с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов¹³, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть — оказавшись слабо соответствующей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности — практически исчезнуть.

Основные интерпретации образа гуманитарной географии

География сама по себе — сильный и мощный образ знания, «привязанного» к восприятию, воображению и интерпретациям земного пространства. Этот образ никогда не был — по крайней мере, в пределах надежно воспроизводимой истории цивилизаций — полностью или абсолютно рационализированным, даже в эпохи жесткого научного позитивизма и постпозитивистских научных идеологий. Основная методологическая проблема географии, осознанная и сформулированная сравнительно поздно, только к середине XIX — началу XX века, заключалась, по всей видимости, в том, что земное или географическое пространство не «поддавалось» классическим дискурсам гуманитарных наук, сложившимся, так или иначе, в своих первоначальных «развертках» к концу века Просвещения.

Нет сомнения, что до определенного периода — примерно до начала XX века — география как быстро формировавшаяся и дифференцировавшаяся научная дисци-

¹³ См., например: [29; 50; 28].

плина вполне успешно могла обходиться методологиями и методиками естественных наук, прямо ориентировавшихся на позитивистские стратегии и идеалы получения и развития научного знания. Кроме того, большинство так называемых гуманитарных наук вплоть до середины XX века как минимум также ориентировалось на явно или неявно естественно-научные/позитивистские идеалы научного знания — порой даже вне зависимости от степени успешности их использования и применения¹⁴. Наконец, такие науки, как демография, статистика и этнография, в институциональном «лоне» которых сравнительно долго — в течение большей части XIX века — «вынашивалась» география, также предпочитали, а частично и до сих пор предпочитают сравнительно массовидные методы исследования, восходящие, прямо или косвенно, к идеологии позитивизма.

Не следует, однако, недооценивать роли и значения позитивизма как научной идеологии в том, что к концу XX — началу XXI века можно было назвать гуманитарной географией. По сути дела, сам позитивизм был мощным и закономерным следствием общего процесса секуляризации и гуманитаризации науки как специфической ментальной и социокультурной деятельности, начавшимся еще в эпоху европейского Возрождения. В этом смысле, не прибегая пока к более развернутым формулировкам, гуманитарную географию можно пока назвать постпозитивистской версией классической географии XIX века, учитывающей позитивизм как безусловное ментальное ядро или методологическую «почву», от которой, несомненно, надо отталкиваться и отдаляться, но лишение, забвение или уничтожение которой — по крайней мере, пока — еще невозможно и не нужно.

Понимание образа гуманитарной географии неотъемлемо от осознания — пусть постепенного и всегда как бы неполного — значимости интерпретаций земного пространства, становящегося тем самым гео-графическим. Именно в этой постоянно нарастающей, постоянно преследуемой всевозможными образами и символами географичности «ускользающего» земного пространства и заключается возрастающий «шанс» гуманитарной географии. Но такой когнитивный, или образный шанс не обретается сам по себе, в некоей «безвоздушной среде» чистого познания или чистого искусства: гуманитарная география развивается в той мере, в какой человеческие сообщества «опространствляют» свою деятельность или же рассматривают пространство как существенную и значимую репрезентацию их деятельности — включая, естественно, и непосредственные пространственные репрезентации¹⁵.

Не будет преувеличением отметить, что так называемые древние общества, а частично также и средневековые, рассматривали или же оценивали земное пространство как в основном некий внешний образ, репрезентируемый либо какими-либо прямыми и косвенными возможностями, ограничениями, «угрозами» и, наоборот, благоприятными экологическими обстоятельствами, либо яркими и выпуклыми нарративами религиозного, мифологического, философского, исторического, художественного характера. Традиционное восприятие земного пространства отличается непосредственностью географического воображения, проявляющегося в несомнен-

¹⁴ См., например: [11].

¹⁵ См., например: [98].

ной древности и практической вечности ментальных основ сакральной географии¹⁶. Можно сказать, что в случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства являются безусловным единым «гешталтом», обеспечивающим относительную общественную эффективность сочленения и соотнесения нарративов «видимых» (условная материальная деятельность) и «невидимых» (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность).

Было бы достаточно легко — по крайней мере, методологически — представить хорошо известную и документированную историю человеческих сообществ как историю вполне закономерной интериоризации земного пространства как определенного ментального конструкта в тех или иных вариациях (этнокультурные ландшафты, культурные ландшафты, ландшафты культуры, географические образы, локальные мифы, региональные идентичности, типичные или типовые пейзажи — например, эллинистический пейзаж, геоэтнические или геокультурные панорамы [83; 85]). Обобщая, можно вывести подобные анализы на уровень закономерностей развития специфических геокультур, сменяющих друг друга, или, что более правдоподобно, сосуществующих друг с другом — по мере того как возникают всё новые и новые геокультуры, а некоторые более старые геокультуры могут и отмирать, исчезать, — не имея более «конкурентоспособных» в общественном смысле, постоянно воспроизводимых в социологическом плане репрезентаций [38; 37]. Наконец, можно говорить и о параллельном, иногда вполне изолированном друг от друга развитии так называемых способов видения (взятых, интерпретированных в широком ключе, хотя и с опорой на несомненных зрительных образах), обусловленных конкретными социокультурными и/или цивилизационными установками в духе Освальда Шпенглера.

Не замыкаясь на истории собственно географии, взятой в ее научном, донаучном или паранаучном срезе, и пытаюсь мыслить гуманитарную географию как широкий образ ментальной деятельности, «озабоченной» всевозможными интерпретациями земного пространства, следует все же не ограничиваться очевидным плодотворным историзмом, позволяющим развешивать логически состоятельные и убедительные варианты развития гуманитарных представлений пространства. Не следует ли постоянно «откидывать», отбрасывать в ментальном плане, а лучше — онтологически — вновь возникающие художественные, философские, научные феноменологии образов пространства — как бы назад, к истокам, в «лоно» их первоначального ментального бытия, где эти образы «слипаются» с пространством самой мысли о них, или же любая ментальная деятельность неразличима вне самого пространства такой деятельности? Не является ли пространство в этом случае онтологическим условием существования гуманитарной географии, а сама гуманитарная география может быть лишь приблизительным эквивалентом общественной, цивилизационной, локальной возможности пространственного представления как такового?

Похоже, что речь может идти не об отрицании историзма как такового, без чего невозможно представить сами пространственные нарративы, но о некоей внутренней географии пространства, в которой сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая все новые

¹⁶ Ср.: [23; 51].

и новые метапространственные конфигурации. Однако не значит ли это, что возникает просто еще один уровень исследования, прямо, просто и логично вытекающий из предыдущего, на котором всевозможные интерпретации феноменов земного пространства рассматриваются «по отдельности»? Можно до бесконечности, подобно античным гностикам, наращивать слои или сферы подобных когнитивных переходов, действуя слишком механистически и фактически воспроизводя одно и то же на всех последующих уровнях.

По-видимому, стоит обратить внимание на чрезвычайно важное понятие «внутренняя география пространства», с тем чтобы осознать в когнитивном и образном планах не только системность самого перехода к метапространствам, но и попытаться онтологизировать сам этот переход, осуществить его «опространствление». Зная о безусловной ущербности и уязвимости всякого претендующего на излишнюю точность и четкость определения, попробуем все же сформулировать в самых общих чертах, что же понимается в данном случае. Итак, внутренняя география пространства — это процесс автономного образования пространств, не имеющих прямого отношения к непосредственной географии восприятия и/или поведения, а также к географии логических выводов и умозаключений на основе понятия физического пространства, трансформируемого традиционными картографическими проекциями, господствующими примерно с XVI века — сначала в Европе, а затем и в остальных регионах мира. Важно подчеркнуть, что рассматриваемый процесс автономного образования пространств носит пространственный характер; иначе говоря, любое пространство может подвергаться пространственным же интерпретациям вне зависимости от того, носило ли оно первоначально признаки конкретного физического и/или психологического пространства, или же было полностью и сразу ментально сконструированным (что не отрицает, а только подтверждает его несомненные генетические связи с традиционными версиями земных пространств).

А как это можно репрезентировать? Можно ли «увидеть» внутреннюю географию пространства, описать ее или же картографировать? Наконец, зачем нужна такая география — если даже оперировать только методологическими и теоретическими контекстами?

Нет сомнения, что нужно «отталкиваться» от тех опытов онтологического видения земного пространства, в которых пространство, грубо говоря, становится «геро-ем», неким самостоятельным, действенным актором, активно влияющим не только на внешнее течение событий, но и «претендующим» на самые архетипы и структуры происходящих событий. В таких случаях временные нарративы как бы выходят из-под контроля автора опыта, становясь своего рода «садом расходящихся тропок». Однако если бы речь шла только лишь о неких искажениях традиционного пространственного опыта человеческих сообществ, уже хорошо описываемых и представляемых современной теоретической физикой — даже если это параллельные миры-пространства, соединяемые между собой «кротовыми норами» и прекрасно уже отработанные современной массовой культурой в жанре фэнтези, — то в таком случае можно было бы обойтись подробными описаниями конкретных пространственных аберраций, иллюзий и искажений — хотя бы они носили исключительно

художественный и творческий характер — не прибегая, по принципу бритвы Оккама, к усложнению теории.

Хорхе Луис Борхес замечательно показал алгоритмы появления и развития внутренней географии пространства, отнюдь не сводящейся к порождению параллельных пространств-миров, лишь изредка напоминающих друг другу о собственном существовании или же задающих неразрешимые загадки героям его произведений, чье воображение силится выбраться и остается по большей части «барахтаться» в рамках традиционной земной географии. Другой пример — тексты Андрея Платонова, Франца Кафки, Джеймса Джойса, Бруно Шульца — в которых, если не прибегать сейчас к более детальному анализу отдельных произведений, пространство кардинальным образом меняет сюжет, чуть ли не заменяя его, становясь, по сути, вторым «автором» этих текстов. Каким было бы пространство наших мыслей, образов, действий, если бы мы соразмеряли их с самим пространством или же представляли такое пространство максимально пространственно? Вот, по существу, главный вопрос внутренней географии пространства.

Литература

1. *Абашев В. В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.
2. *Абашев В. В.* Пермь как центр мира: из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 275–288.
3. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
4. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. *Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль / пер. с фр. Д. М. Литвинова. М.: Лори, 2002.
6. *Байбурин А. К.* Некоторые аспекты мифологии острова и «Остров Борнгольм» Н. Карамзина // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / отв. ред. Н. М. Терехихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 38–46.
7. *Барт Р.* Империя знаков / пер. с фр. Я. Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004.
8. *Барт Р.* Мифологии / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
9. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 277–311.
10. *Башиляр Г.* Поэтика пространства / пер. с фр. Н. В. Кисловой // *Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 5–213.
11. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.
12. *Бондаренко Г. В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М.: Языки славянской культуры, 2003.
13. *Вахштайн В. С.* Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

14. Вахштайн В. С. К проблеме темпоральных механизмов социальной организации пространства: анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 3. С. 71–83.
15. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
16. Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103–112.
17. Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении / пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: Искусство, 2003.
18. Верлен Б. Общество, действие и пространство: альтернативная социальная география / пер. с англ. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.
19. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. М. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
20. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.
21. Геннеп А. ван. Обряды перехода / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М.: Восточная литература, 1999.
22. Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: Беловодье, 2003.
23. Генон Р. Символика креста / пер. с фр. Т. М. Фадеевой, Ю. Н. Стефанова. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
24. Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004.
25. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии / пер. с англ. С. В. Федулова. М.: Прогресс, 1990.
26. Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1–5. М.: Институт наследия, 2004–2008.
27. Дайс Е. Украинский Орфей в московском аду, или Путь поэта // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 113–168.
28. Дранникова Н. В. Мифология Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 109–115.
29. Елистратов В. С. Евразийский Рим, или Апология московского мещанства // Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640–702.
30. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982.
31. Желева-Мартинс Виана Д. Топогенезис города: семантика мифа о происхождении // Семиотика пространства: Сб. науч. тр. Межд. ассоц. семиотики пространства / под. ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999. С. 443–467.
32. Замятин Д. Картографирование географических образов // Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie. Bd. 8. Dresden: Selbstverlag der Technischen Universität Dresden, 2005. S. 34–46.
33. Замятин Д. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323.

34. *Замятин Д.* Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. 23.07.2008.
35. *Замятин Д., Замятина Н.* Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 227–250.
36. *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004.
37. *Замятин Д. Н.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213–256.
38. *Замятин Д. Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5–13.
39. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 332–334.
40. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003.
41. *Замятин Д. Н.* Имажинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 291–296.
42. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
43. *Замятин Д. Н.* Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
44. *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов: пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
45. *Замятина Н. Ю.* Использование образов мест в преподавании страноведения и градоведения // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 311–327.
46. *Замятина Н. Ю.* Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 5. С. 32–37.
47. *Замятина Н. Ю., Митин И. И.* Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 282–288.
48. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
49. *Козловски П.* Миф о модерне: поэтическая философия Эрнста Юнгера / пер. с нем. М. Б. Корчагиной, Е. Л. Петренко, Н. Н. Трубниковой. М.: Республика, 2002.
50. *Конькова О. И.* Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / отв. ред. Н. М. Терехин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53–68.
51. *Корбен А.* Свет славы и святой Грааль / пер. с франц., англ. и фарси А. Кузнецова и др. М.: Волшебная гора, 2006.
52. *Котлер Ф. и др.* Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / пер. с англ. М. Акаая, В. Мишучкова. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

53. *Кривонос В. Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101–110.
54. *Кэмбелл Дж.* Мифический образ / пер. с англ. К. Е. Семенова. М.: АСТ, 2002.
55. *Лавренова О. А.* Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география / под ред. Ю. А. Веденина, Р. Ф. Туровского. М.: Институт наследия, 2001. С. 95–126.
56. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 1985.
57. *Ло Дж.* Объекты и пространства / пер. с англ. В. С. Вахштайна // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
58. *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб: Алетейя, 2003.
59. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
60. *Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1).* СПб: Эйдос, 1993.
61. *Митин И. И.* Воображая город: ускользящий Касимов // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 5–27.
62. *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики: множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.
63. *Митин И. И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 140–161.
64. *Миф Европы в литературе Польши и России.* М.: Индрик, 2004.
65. *Надточий Э.* Метафизика «чмока» // Параллели (Россия — Восток — Запад): Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М.: Философ. об-во СССР; Институт философии РАН, 1991. С. 93–102.
66. *Надточий Э.* Развивая Тамерлана // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 147–176.
67. *Неклюдов С.* Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–39.
68. *Немчинов В. М.* Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 234–240.
69. *Петров И.* Очерки истории Швейцарии. М., 2006.
70. *Подорога В. А.* Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М.: Наука, 1993.
71. *Рахматуллин Р.* Небо над Москвой. Второй Иерусалим Михаила Булгакова // Ex libris НГ. Книжное обозрение к «Независимой газете». 24.05.2001. С. 3.
72. *Рахматуллин Р.* Три мифа Малоярославца // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 210–218.
73. *Регионализация посткоммунистической Европы.* М.: ИНИОН РАН, 2001.
74. *Рефлексивный мониторинг публичных мест: логика места и гетеротопология пространства. Проект Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ.* <<http://www.cfs.hse.ru/content/view/14/26/>>
75. *Романтизм. Вечное странствие.* М.: Наука, 2005.
76. *Русская провинция: миф—текст—реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян.* М.; СПб: Лань, 2000.
77. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. Говорунова. М.: Русский миръ, 2006.
78. *Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. Т. II: Глобусы / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб: Наука, 2007.

79. *Стрелецкий В. Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
80. *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004.
81. *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993.
82. *Тимофеева О.* Гетеротопики о гетеротопиях: Междисциплинарная конференция «Гетеротопии» // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 468–472.
83. *Топоров В. Н.* К происхождению и функциям «гео-этнических» панорам в аспекте связей истории и культуры. Тезисы. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1991. С. 86–108.
84. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995.
85. *Топоров В. Н.* Эней — человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии. Ч. I. М.: Радикс, 1993.
86. *Торшилов Д. О.* Античная мифография: миф и единство действия. СПб: Алетейя, 1999.
87. *Туровский Р. Ф.* Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / под ред. Ю. А. Веденина, Р. Ф. Туровского. М.: Институт наследия, 2001. С. 10–94.
88. *Фадеева Т. М.* Крым в сакральном пространстве: история, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000.
89. *Филиппов А. Ф.* Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). С. 48–63.
90. *Филиппов А. Ф.* Пространство политических событий // Политические исследования. 2005. № 2. С. 6–25.
91. *Фишман О. Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб: Петербургское востоковедение, 2003.
92. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб: Изд-во СПбГУ, 1999.
93. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998.
94. *Фуко М.* Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984 / пер. с фр. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 191–205.
95. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о Модерне / пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003.
96. *Хьюбнер К.* Истина мифа / пер. с нем. И. Т. Касавина. М.: Республика, 1996.
97. *Чихичин В. В.* Комплексный географический образ города: определение понятия и стратегии реконструкции // Гуманитарная география: Научный и научно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 206–226.
98. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum* / пер. с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008.
99. *Шукин В.* Миф дворянского гнезда: геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997.
100. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академический проект, 2000.
101. *Элиаде М.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987.
102. *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр. Н. К. Габровского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
103. *Bassin M.* Inventing Siberia: visions of the Russian East in the early nineteenth century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3. P. 763–794.

104. *Bassin M.* Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
105. *Bauman Z.* Liquid arts // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 117–127.
106. *Bauman Z.* Liquid modernity. Cambridge: Polity, 2000.
107. *Bell D. S. A.* Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. № 1. P. 63–81.
108. *Bryant A.* Liquid modernity: complexity and turbulence // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 127–137.
109. *Conforti J. A.* Imagining New England: explorations of regional identity from the pilgrims to the mid-twentieth century. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2001.
110. *Corbin H.* *Mundus imaginalis* or the imaginary and the imaginal // *Spring*. 1972. P. 1–19.
111. *Cosgrove D. E.* Models, descriptions and imagination in geography // *Remodelling geography* / ed. by B. MacMillan. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244.
112. *Cosgrove D. E.* Social formation and symbolic landscape. London: Croom Helm, 1984.
113. *Cosgrove D. E.* Social formation and symbolic landscape. Totowa: Barnes and Noble Books, 1984.
114. *Crouch D.* Spatialities and the feeling of doing // *Social and Cultural Geography*. 2001. Vol. 2. № 1. P. 61–73.
115. Cultural turns / geographical turns: perspectives of cultural geography / ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook, D. Crouch. N. Y.: Prentice Hall, 2000.
116. *Daniels S.* Place and geographical imagination // *Geography*. 1992. № 4 (337). P. 310–322.
117. Geography and national identity / ed. by D. Hooson. Oxford: Blackwell, 1994.
118. *Jordan T. G., Domosh M., Rowntree L.* The human mosaic: a thematic introduction to cultural geography. N. Y.: Harper Collins College Publishers, 1994.
119. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford: Blackwell, 1991.
120. *Lowenthal D.* Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. № 3. P. 241–260.
121. *Manguel A., Guadalupi G.* The dictionary of imaginary places. L.: Bloomsbury, 1999.
122. *McLean S.* Touching death: tellurian seduction and the spaces of memory in famine Ireland // *Irish Journal of Anthropology*. 1999. Vol. 4. P. 61–73.
123. *Murrey J.A.* Mythmakers of the West: shaping America's imagination. Flagstaff: Northland Publishing, 2001.
124. *Pollock G.* Liquid modernity and cultural analysis: an introduction to a transdisciplinary encounter // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 111–117.
125. *Schama S.* Landscape and memory. N. Y.: Vintage Books, 1996.
126. *Soja E.W.* Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory. London: Verso, 1990.
127. Studing cultural landscapes / ed. by I. Robertson, P. Richards. Oxford: Oxford University Press, 2003.
128. The interpretation of ordinary landscapes: geographical essays / ed. by D. W. Meinig. Oxford: Oxford University Press, 1979.
129. *Tuan Yi-Fu.* Space and place: the perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
130. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: a study of environmental perception, attitudes and values. N. Y.: Columbia University Press, 1990.
131. *Urry J.* Consuming places. L.: Routledge, 1995.